

Усенбаева Ж.Р., Абирова А.Ы.

**КЫТАЙ ЭЛ РЕСПУБЛИКАСЫ МЕНЕН БОРБОРДУК АЗИЯ
МАМЛЕКЕТТЕРИНИН ОРТОСУНДАГЫ МАМИЛЕЛЕРДИН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
АЙМАКТЫК ЭЛ АРАЛЫК УЮМДАРДЫН АЛКАГЫНДА**

Усенбаева Ж.Р., Абирова А.Ы.

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАМКАХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Zh. Usenbaeva, A. Abirova

**FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE
PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE CENTRAL ASIAN STATES
WITHIN REGIONAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS**

УДК: 940.5:958:327.7

Бул макалада авторлор Кытай Эл Республикасы менен Борбордук Азия мамлекеттеринин ортосундагы мамилелердин негизги маселелерин аймактык масштабдагы негизги эл аралык уюм – Жамааттык коопсуздук келишими (ЖККУ) жана Борбордук Азиядагы Регионалдык Экономикалык Кызматташтык тандалды. Мунун негизинде Кытай аларга карата ийкемдүү, бирок түп-тамырынан бери башкача саясат жүргүзүп жатат деген тыянак чыгарылды. Кытай ЖККУ менен жигердүү кызматташууга умтулду, бирок негизинен ШКУ аркылуу Борбор Азиядагы стабилдүү жана тынчтык кырдаалды сактоо боюнча өзүнүн аракеттерин күчөтүүдө. Кытай экинчи уюмга түздөн-түз кирет жана өзүнүн «Бир алкак бир жол» демилгеси аркылуу ал жерде өзүнүн катышуусун көбөйтүп жатат, ошондуктан ЦАРЭС долбоору азыр ага толук интеграцияланды.

Негизги сөздөр: мамлекеттер, келишимдер, мамилелер, эл аралык мамилелер, эл аралык уюмдар, кызматташуу, тынчтык саясат.

В настоящей статье авторами рассматриваются основные вопросы взаимоотношений КНР и государств Центральной Азии в рамках ключевых международных организаций регионального масштаба. Отмечаются различные модели подобного взаимодействия, реализуемого в рамках внешней политики современного Китая. Для анализа в этом направлении, помимо Шанхайской организации сотрудничества, которой посвящено немало аналитических обзоров и исследований, было выбрано две наиболее влиятельных международных организаций – Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). На основе этого был сделан вывод, что КНР по отношению к ним проводит гибкую, но кардинально различную политику. С ОДКБ Китай стремится активно сотрудничать, но преимущественно через посредство ШОС, укрепляя таким образом усилия по поддержанию стабильной и мирной ситуации в Центральной Азии. Во вторую организацию Китай вступает непосредственно и в рамках своей инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) настолько наращивает там свое присутствие, что проект ЦАРЭС оказывается полностью интегрирован в нее к настоящему моменту.

Ключевые слова: государства, договоры, отношения, международные отношения, международные организации, сотрудничество, внешняя политика.

In this article, the authors examine the main issues of relations between the PRC and the Central Asian states within the framework of key international organizations of a regional scale. Various models of such interaction, implemented in the framework of the foreign policy of modern China, are noted. For analysis in this direction, in addition to the Shanghai Cooperation Organization, to which many analytical reviews and studies have been devoted, the two most influential international organizations were selected - the Collective Security Treaty (CSTO) and the Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC). Based on this, it was concluded that the PRC is pursuing a flexible, but radically different policy towards them. China seeks to actively cooperate with the CSTO, but mainly through the SCO, thus strengthening its efforts to maintain a stable and peaceful situation in Central Asia. China enters the second organization directly and through its Belt and Road Initiative (BRI) is increasing its presence there so much that the CAREC project is now fully integrated into it.

Key words: states, treaties, relations, international relations, international organizations, cooperation, foreign policy.

На протяжении двух с половиной десятилетий Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) остается важнейшей региональной международной организацией в регионе Центральной Азии, в которой КНР наряду с Россией играет основные роли. Именно эта структура с 1996 г. была главной политической площадкой, в рамках которой реализовывались комплексные взаимоотношения Китая с государствами Центральной Азии, что обеспечивало возможности продвижения Пекином своих интересов в регионе [1; 2].

Впрочем, в современной политологической литературе уделено уже немало внимания различным аспектам сотрудничества государств Центральной Азии и КНР в рамках ШОС. Гораздо меньше внимания на этом фоне уделено взаимодействию Пекина с другими крупными международными организациями в регионе, которые выступают заметными акторами в нем. В этом отношении заметный интерес и внимание Китай проявляет к таким из них, как ОДКБ и ЦАРЭС.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) была создана в мае 2002 г. по совместной инициативе России и Казахстана на основе существовавшего ранее, с 1992 г. Договора о коллективной безопасности СНГ (Ташкентский договор). Данная организация объединила в своем составе большую часть государств Центральной Азии, кроме Туркменистана, придерживавшегося с самого начала периода своей независимости политики неприсоединения. Позднее, в 2012 г. Узбекистан окончательно покинул эту организацию [3, с. 11].

Главными целями ОДКБ является построение коллективной системы безопасности в рамках основной части СНГ, наращивание совместных усилий по предотвращению конфликтов и региональных споров, сохранения территориальной целостности стран-участниц и т.д. Генеральная цель данной организации состоит в том, чтобы содействовать повышению стабильности и безопасности на территории стран-участниц на основе выстраивания справедливого международного порядка в Евразии [4].

Как видно из перечисленных целей ОДКБ, основная их часть во многом совпадает с теми, которые лежат в основе деятельности ШОС, в первую очередь в поддержании безопасности. По этой причине вполне закономерно, что между двумя этими региональными организациями постепенно налаживается сотрудничество в области поддержания стабильности в Центральной Азии, так как они в первую очередь пересекаются именно в этом регионе. Особенно в противодействии терроризму, религиозному и политическому экстремизму, сепаратизму, незаконному обороту наркотиков, борьбе с международными преступными и террористическими группировками и движениями. Также большое беспокойство к тому времени стали вызывать участвовавшие на пространстве СНГ так называемые «цветные» революции, которые также негативно отражались на стабильности целых государств.

Но в то же время следует учесть, что ШОС, в отличие от ОДКБ, является невоенной региональной международной организацией, которая стремится к поддержанию стабильности, мира и безопасности на территории ее членов как основного условия углубления и расширения многопланового сотрудничества. ОДКБ же основной акцент в своей деятельности делает именно на тесное военно-техническое партнерство на основе создания системы коллективной обороны. К тому же следует учесть, что основную роль в данном военном союзе играет Россия, в отличие от ШОС, где с самого начала существовал определенный паритет между Китаем и Россией.

Впрочем, несмотря на подобное обстоятельство, членство в ОДКБ и ШОС целого ряда центрально-азиатских государств и России создают в целом

благоприятную почву для установления определенного партнерства между ними в сходных или близких по содержанию целях. Поэтому уже с 2003 г. между этими двумя региональными организациями начинает налаживаться диалог, и была высказана необходимость координации шагов в сфере безопасности на основе решения конкретных вопросов.

А с 2005 г. устанавливаются контакты на уровне технического взаимодействия между ШОС и ОДКБ. В частности, в январе 2005 г. Антитеррористический центр СНГ, входящий в состав ОДКБ, совместно с РАТС ШОС утвердили единый список террористических организаций. Это стало основанием для долгосрочного стратегического партнерства между данными структурами [5, с. 165]. Поэтому с этого времени одним из главных направлений сотрудничества между ними становится совместное противодействие международному терроризму, что отвечало интересам всех стран-участниц, входивших в состав обеих организаций, в том числе государствам Центральной Азии. Продолжением этой линии стало подписание в октябре 2007 г. в Душанбе «Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ», который детализировал важнейшие области сотрудничества между данными региональными структурами.

Естественным образом значительное внимание этому уделял и Китай, для которого поддержание стабильной обстановки в СУАР до сих пор является одной из приоритетных политических задач. Поэтому деятельность ОДКБ по борьбе с терроризмом и экстремизмом на территории Центральной Азии также воспринималась в крайне позитивном ключе, так как в определенной мере также способствовала продвижению своих интересов в регионе через площадку ШОС.

Принимая во внимание, что со второй половины 2000-х годов вопросы безопасности все более начинают превалировать в повестке ШОС, то сотрудничество с ОДКБ по этой линии приобретает все большее значение. Отражением этого стало подписание в июне 2011 г. в Астане «Протокола о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и РАТС ШОС». В этой документе особо подчеркивалось, что обе стороны будут укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом, что позволило более эффективно скоординировать действия антитеррористических структур обеих этих организаций [6, с. 27].

Но все же стоит учесть, что по своему содержанию ШОС является региональной невоенной организацией, которая не располагает какими-либо существенными общими воинскими контингентами или силами. Хотя в этом направлении и были сделаны определенные шаги в виде систематического проведения антитеррористических учений отдельных контингентов стран-участниц ШОС, но все же они в це-

лом носят ограниченный характер и не направлены на решение какой-либо масштабной и длительной военной операции [4].

Другой особенностью ШОС является то, что основная ее военизированная подструктура – РАТС направлена больше на сбор и анализ информации антитеррористического содержания и улучшения межгосударственной координации по линии спецслужб государств-участников ШОС [7, с. 34-36]. Это не предполагает каких-либо активных и масштабных совместных действий, за исключением приграничных операций, в которые могут быть вовлечены антитеррористические подразделения нескольких государств данной организации. Поэтому, учитывая невоенный характер ШОС как региональной организации, она не имеет на постоянной основе собственных вооруженных формирований и не может решать фактически каких-либо военные задачи.

В отличие от данной организации ОДКБ располагает коллективными вооруженными силами, в том числе подразделениями быстрого реагирования, которые были созданы в феврале 2009 г. и с этого времени на их основе регулярно проводятся совместные комплексные учения [8, с. 75]. Но данные силы быстрого реагирования могут быть применены только с согласия государства-участницы, а антитеррористическая деятельность ОДКБ может реализовываться исключительно в рамках национальной юрисдикции отдельно взятого государства-члена данной организации. Это ограничивает возможности применения системы коллективной обороны в пределах ОДКБ и служит заметной преградой для ее активного функционирования, особенно если учесть, что современные угрозы, в том числе террористического характера не ограничиваются границами какого-либо государства, а носят, как правило, международный и надгосударственный характер. По этой причине противостояние террористическим и экстремистским организациям и движениям даже на уровне региона Центральной Азии несколько затруднено.

Однако, несмотря на данное явное противоречие в функционировании ОДКБ, эта региональная организация все же в той или иной мере обеспечивает политическую стабильность на его территории. И последнее обстоятельство в целом устраивает Китай, который в целом расценивает сотрудничество ШОС и ОДКБ как дающее неплохой взаимодополняющий эффект в поддержании стабильности на пространстве Центральноазиатского региона [9, с. 91]. Поэтому Пекин в целом рассматривает перспективу создания более эффективного механизма взаимодействия между ними. В том числе возможного создания формата «ОДКБ + 1», который подразумевает активное участие КНР в работе данной организации при решении отдельных вопросов, связанных с безопасностью

в Центральной Азии в практическом русле, так как ШОС по сути не предполагает этого. Поскольку, как отмечалось выше, сохранение относительно спокойной обстановки в данном регионе является приоритетной задачей с точки зрения современной внешней политики КНР [10, с. 40-41].

Впрочем, конкретных шагов к формированию такой модели взаимоотношений ШОС и ОДКБ пока что не сделано. Но Китай, понимая, что встречает заметное противодействие по продвижению своих экономических интересов в Центральной Азии через посредство ШОС, идет на определенный компромисс в этом отношении и в целом поддерживает основное направление данной организации на поддержание безопасности. Так как с началом реализации собственной экономической инициативы «Один пояс – один путь» свои торгово-экономические интересы КНР продвигает преимущественно через этот проект.

Это снимает некоторые противоречия в ШОС, особенно некоторый перевес в ее деятельности, направленный на построение коллективной системы безопасности в Центральной Азии. Это открывает более широкие возможности взаимодействия ШОС и ОДКБ, так как это может существенным образом способствовать цели поддержания стабильности и процветания в регионе, столь необходимых Пекину для реализации своего масштабного проекта «Один пояс – один путь» в настоящее время. Поэтому укрепление сотрудничества между двумя организациями может сосредоточиться на объединении ресурсов по борьбе с такими существенными угрозами, как региональные конфликты, незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность и религиозный терроризм.

Впрочем, в то же время следует признать, что конкретные шаги по координации деятельности ШОС и ОДКБ предпринимаются очень слабые, несмотря на многочисленные встречи представителей двух организаций и обоюдное желание по развитию сотрудничества. Однако, вплоть до настоящего времени не выработано конкретных форм и программ по практической реализации совместных действий. Обе организации неоднократно приглашали друг друга для участия в важных международных конференциях и антитеррористических военных учениях, но в полной мере все эти планы не были претворены в жизнь [4].

Другим существенным региональным проектом, с которым в определенной мере сотрудничает ШОС, является проект Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Он был запущен в 1997 г. Азиатским банком развития (АБР). Позднее данный проект был поддержан Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Международным валютным фондом (МВФ), Ислам-

ским банком развития (ИБР), Программой развития ООН (ПРООН) и Всемирным банком [11, с. 176-177].

Первоначально проект ЦАРЭС объединил Китай и ряд стран Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Но уже в 1998 г. к нему присоединяется Таджикистан, а в 2002 г. – Монголия и в 2005 г. – Афганистан. А в 2010 г. он расширяется за счет вхождения в него Туркменистана и Пакистана. Таким образом, ЦАРЭС территориально охватывает всю Центральную Азию, Китай и ряд прилегающих к ним государств, приобретая таким образом ярко выраженный межрегиональный облик.

Основной целью проекта ЦАРЭС была обозначена всемерное поощрение экономического роста и сокращение бедности в странах Центральной Азии за счет развития экономического сотрудничества с соседними приграничными государствами – Китаем и Японией на востоке, Россией – на севере, Индией и Пакистаном – на юге. Для достижения поставленных задач основной упор данный проект делает на укрепление партнерства между участниками в энергетической сфере, развитие торгово-экономического сотрудничества, развитие транспортной и логистической инфраструктуры (реконструкция транспортных коридоров, модернизация таможенных пунктов, упрощение таможенных и транзитных процедур) [12, с. 140].

Исходя из этого, ЦАРЭС значительный упор делает на развитие сети транспортных коридоров, которые должны связать восток-запад, так и север-юг Евразии. Поэтому поддерживается идея модернизации транспортных инфраструктур стран-участниц проекта, ввод в эксплуатацию новых современных автомобильных и железнодорожных магистралей для повышения эффективности торгового транзита [11, с. 179-180].

В целом проект носит исключительно экономический характер и содержание. Однако масштабность охвата и стратегический характер делают вероятной потенциальную перспективу развития ЦАРЭС в геополитическом ключе. Это становится особенно очевидным ввиду того, что в последние годы основными источниками финансирования данной программы становится АБР и Китай [3, с. 26]. Последний после начала реализации своей евразийской экономической инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП) также в ее рамках делает особый акцент на развитие транспортно-логистической инфраструктуры, которая надежно свяжет Восточный Китай и Центральную Азию. Поэтому в этом случае главные задачи ЦАРЭС и ОПОП не просто пересекаются, а совпадают по ключевым направлениям. Это и обеспечило то, что постепенно КНР становится одним из главных финансовых источников развития транспортной сети в регионе в рамках ЦАРЭС.

Впрочем, благодаря тому что через различные финансовые институты в ЦАРЭС также принимают

участие такие страны, как Япония, Индия, ряд стран Персидского залива и США, данный проект отчасти снижает экономическую зависимость Центральной Азии от России и Китая, так как призван вывести его участников на различные мировые рынки за счет открытия новых транспортных маршрутов [12, с. 140-141]. Однако целенаправленное стремление Пекина в рамках инициативы «Один пояс - один путь» развивать транспортные коридоры преимущественно в направлении восток – запад несколько и активная реализация этого во многом снижает возможности развития целого ряда других транспортных магистралей в рамках проекта ЦАРЭС.

Поэтому данное обстоятельство позволило КНР параллельно с активной реализацией ОПОП направить возможности проекта ЦАРЭС на реализацию своих планов. Фактически данный проект был не просто перекрыт китайской экономической инициативой, а поглощен ею, что можно рассматривать как один из важных успехов Пекина на пути реализации своих планов по воплощению в реальность своих глобальных экономических планов.

Таким образом, КНР на современном этапе активно и успешно выстраивает взаимодействие с другими международными организациями в Центральной Азии, проявляя при этом заметную гибкость и различный комплекс политических, экономических и гуманитарных инструментов. В случае с ОДКБ отдается предпочтение выстраиванию с данной организацией контактов по линии ШОС, так как с началом активной реализации КНР своего крупного и амбициозного проекта «Один пояс – один путь» вопросы поддержания стабильной и безопасной среды в Центральной Азии стало одним из важнейших приоритетов. Это вызывает дальнейшее углубление партнерства между двумя данными организациями. В то же время именно с воплощением в жизнь ОПОП связано то, что Китай существенно активизирует свое участие в проекте ЦАРЭС и при помощи финансовых инструментов и институтов в максимальной мере интегрирует его в свою глобальную экономическую инициативу.

Литература:

1. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005.
2. Казанцев А.А., Звягельская И.Д., Кузьмина Е.М., Лузянин С.Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. М., 2016. – 54 с.
3. Ларуэль М., Пейруз С. Региональные организации в Центральной Азии: характеристики взаимодействий, дилеммы эффективности. Институт государственной политики и управления. Доклад №10. - Б., 2013. - 67 с.
4. Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ // Теория и практика общественного развития. 2015. №8. [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2015/8/politics/wang.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

5. Колегова О.Ю. Ключевые сферы международного сотрудничества в рамках ШОС. / Вестник МГИМО. 2013. №6 (33). – С. 160-169.
6. Дегтярев А.С. ОДКБ И ШОС: взаимодействие организаций и перспективы сотрудничества // Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты. Новосибирск: Центр развития регионального сотрудничества, 2017. - С. 25-29.
7. Лузянин С.Г. Шанхайская Организация Сотрудничества 2013-2015. Прогнозы, сценарии и возможности развития. М.: ИДВ РАН, 2013. - 119 с.
8. Комилова Х.Г. Роль и место интеграционных структур в системе международных отношений в Центральной Азии / Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). - С. 73-78.
9. Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М.: ИнфоРос, 2011. - 206 с.
10. Кузьмин К.Е., Янгель Т.Я. Место Центральной Азии в политике КНР в 1992-2019 гг.: анализ политического и экономического взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. – С. 34-43.
11. Искандаров К.И., Сафранчук И.А. Программа Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) / Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1(66). – С. 175-184.
12. Атанов А.А. Евразийские центральноазиатские логистические проекты XXI столетия. / Власть. 2017. №8. -С.137-142.
13. Абулайти А. Развитие многосторонних и двусторонних отношений между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой в рамках шанхайской организации сотрудничества в 2001-2013 годах. / Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2021. №. 7. С. 211-217.